

Утром 5 июля, находясь на подступах к Труа, король отправил письма к членам городского совета. Было отослано и письмо Жанны, в котором она уговаривала магистрат изъявить покорность законному монарху и открыть ворота.

В большом зале ратуши было душно. Сегодня, вопреки обычному, здесь собрались все городские старшины. Почтенные патриции соперничали друг с другом роскошью массивных перстней и парчовых шуб, подбитых дорогими мехами.

Один за другим выступали мэтр Жиль Легюизе, брат местного епископа, господина Геннекен, Жувенен и многие другие.

Мнения старшин не расходились. Дело было ясное. Они не станут сдавать город. С 1420 года они хранят верность бургундцам и англичанам. Если они ее нарушат, их ожидает жестокая месть и, главное, полный финансовый крах. И что, собственно, нужно этому так называемому «дофину»? Разве он не может пройти стороной? Пусть себе убирается подобру-поздорову. Город силен своими укреплениями, полон продовольствия и готов выдержать многомесячную осаду. Следует лишь немедленно просить солдат у герцога Бургундского и отписать другим городам Шампани, чтобы добиться единства действий. А дофину надо ответить дипломатично — сослаться на то, что им, горожанам, нет выбора:

«...Несмотря на все наши желания и добрую волю, мы вынуждены считаться с воинами, находящимися в городе, которые гораздо сильнее нас...»

Тут кто-то из советников обратил внимание на письмо Девы. Письмо было прочтено и вызвало дружный хохот.

— В этом письме, — заметил мэтр Геннекен, — нет ни смысла, ни склада. Это просто насмешка над нами.

— Что вы хотите, — возразил пожилой патриций, — всему свету известно, что безумная девка одержима бесами.

Мэтр Легюизе смачно хихикнул.